

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ УРБАНОНИМЫ ЕКАТЕРИНБУРГА КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА

Е.Н. Клименко

Кафедра социально-культурных технологий
Уральский государственный лесотехнический университет
Сибирский тракт, 37, оф. 403, Екатеринбург, 620100

Статья посвящена анализу неофициальных названий городских реалий Екатеринбурга, которые составляют особый именной пласт разговорной лексики, создаваемый горожанами вне официальной городской ономастики и рассматриваемый нами как элемент лингвокультурной компетенции (ЛКК) студента-иностранца.

Ключевые слова: лингвокультурная компетенция, разговорная лексика, адаптация, русский как иностранный, обучение, урбанонимы.

Успешная адаптация студентов-иностранцев к иноязычной, инокультурной российской действительности возможна только при условии формирования у них *лингвокультурной компетенции* (ЛКК). Незнание или недостаточное знание российских культурных реалий приводит к возникновению коммуникативных неудач при межкультурной коммуникации.

В Новейшем словаре иностранных слов компетенция определяется следующим образом: *компетенция* «(лат. *competere* добиваться, соответствовать, подходить) — это знания и опыт человека в определенной области, дающие ему возможность глубоко понимать сущность событий, явлений и т.п.» [11. С. 191]. Несколько иначе определяется это понятие в педагогике: «компетенция (в переводе с латинского *competentia*) означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом. Компетентный в определенной области человек обладает соответствующими знаниями и способностями, позволяющими ему обоснованно судить об этой области и эффективно действовать в ней» [15. С. 4]. По мнению психологов и педагогов, следует различать такие понятия, как «компетенция» и «компетентность», по признаку «общее и индивидуальное». «*Компетенция* включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной про-

дуктивной деятельности по отношению к ним. *Компетентность* — владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [15. С. 4]. Иными словами, под компетенцией следует понимать «наперед заданное требование» к подготовке человека, а под компетентностью — «уже состоявшееся его личностное качество» [15. С. 4].

Понятие *лингвокультурной компетенции* как части *коммуникативной компетенции* многогранно. Предложенное В.В. Сафоновой определение *коммуникативной компетенции* как совокупности языковой, речевой и социокультурной составляющих прочно закрепилось в отечественной методике преподавания иностранных языков. Существует также общеевропейское определение *коммуникативной языковой компетенции*, где в данное понятие включаются лингвистический, социолингвистический и прагматический компоненты. «*Лингвистическая компетенция* включает знание лексики, фонетики, грамматики и соответствующие навыки и умения, а также другие характеристики языка как системы, безотносительно к социолингвистической значимости его вариантов и к прагматической функции конкретных реализаций» [С. 12]. *Социолингвистическая компетенция* ориентирована на социальные нормы: правила хорошего тона, нормы общения между представителями разных поколений, полов, социальных групп, языковое оформление определенных ритуалов, принятых в данном обществе. *Прагматическая компетенция* предполагает умение пользоваться языковыми средствами в определенных функциональных целях в соответствии со схемами взаимодействия.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров одной из составных частей коммуникативной компетенции считают *лингвокультурную компетенцию* (ЛКК) и определяют ее как «способность к выбору и реализации программ речевого поведения личности в зависимости от обстановки, ситуации, темы» [1. С. 18]. Л.А. Городецкая считает ЛКК частью культурной компетенции личности, проявляющейся в общении и представляющей собой «совокупность взаимосвязанных представлений об общих нормах, правилах и традициях вербального и невербального общения в рамках данной лингвокультуры» [5. С. 9]. В.В. Воробьев интерпретирует это понятие как «знание идеальным говорящим / слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [2. С. 5]. К последним относятся и имена собственные — названия городских реалий. Знание урбанонимов необходимо иностранцу не только для ориентации в городском пространстве, но и для понимания тех речевых актов, которые содержат такие номинации.

На протяжении многих лет в отечественной лингвистике рассматриваются коммуникативные компетенции иностранных студентов, изучаются вопросы их адаптации к новой для них российской лингвокультурной среде. Уже изданы специальные лингвокультурные словари для иностранцев, где описываются артефакты и ментефакты, характеризующие русское национальное сознание и необходимые для социализации в российском обществе: образы русской художественной литературы и фольклора; реалии, для понимания которых важны фоновые знания; прецедентные тексты, имена, высказывания, события и т.п. Но вопросу освоения иностранцами микропонимии, в частности урбанонимии, уделяется зна-

чительно меньше внимания. При этом совсем не учитывается пласт повседневной неофициальной урбанонимии.

Что представляют собой неофициальные урбанонимы? Насколько актуальна данная лексика для иностранного студента в быту? Есть ли необходимость ее осваивать? Совершенствуется ли лингвокультурная компетенция студента-иностранца при изучении неофициальных урбанонимов? Вот круг вопросов, которые рассматриваются в данной статье.

Наше исследование проводилось в Екатеринбурге, так как это крупнейший культурно-исторический, административный, индустриальный, а с недавних пор и туристический центр России. Иностранцы, приезжающие в город, не только работают в различных отраслях народного хозяйства, но и обучаются в разных вузах Екатеринбурга. Численность населения столицы Урала приближается к двум миллионам человек, поэтому культура Екатеринбурга — одновременно и особый целостный феномен, сложившийся исторически, и сплетение множества различных типов культур. Очевидно, что язык города в данном случае рассматривается как компонент культуры и одно из средств ее реализации. Язык — один из видов человеческой деятельности, поэтому он оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной.

Необходимо отметить, что языковой облик современного Екатеринбурга разнообразен и многогранен. В реальной речевой деятельности жителей и гостей современного города наряду с общеупотребительной разговорной лексикой функционирует «круг номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта» [6. С. 284], который формирует представление о культуре, истории, быте, нравах любого города. Это особый именной пласт разговорной лексики, создаваемый самими горожанами вне официальной городской ономастики. Назовем эту лексику *неофициальными урбанонимами*. Это неофициальные («народные») названия городских реалий (различных объектов города: улиц, магазинов, заводов, рынков, микрорайонов, парков и т.д.), прозвища знаменитых горожан, названия изделий народных промыслов и иные имена. Эти номинации «имеют ограниченную сферу употребления, узкий диапазон функционирования, малую степень известности: обслуживают небольшой говорящий коллектив на вполне определенной, конкретной территории в условиях непосредственной устной коммуникации при отсутствии письменной закреплённости» [7. С. 9]. Неофициальные урбанонимы представляют собой уникальные имена собственно городских реалий. Например: *Чемоданчик* (озерцо прямоугольной формы в лесопарковой зоне Юго-Западного района, на стыке улиц С. Дерябиной и Объездной дороги), *Дом промышленности* (большое П-образное здание серого цвета на перекрестке улиц Малышева и Луначарского, где в советское время располагалось секретное предприятие оборонной промышленности), *Маяковка* (Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского), *Конфетка* (фабрика «Конфи» на Сибирском тракте, 19, производящая конфеты и прочие сладости), *Три тройки* (Уральский электромеханический завод, который имел номер военного почтового ящика «333»).

Этот «именной пласт города» [4. С. 28] характеризуется подвижностью и неустойчивостью лексических единиц, большим разнообразием словоформ, вариативностью и экспрессивностью наименований, значительной степенью индивидуализации городских реалий, тенденцией к антистандартности; он находится в некоторой оппозиции к официальной городской языковой культуре. В реноминациях проявляются юмор, ирония, оценки городского населения. Урбанонимия, в частности микропонимия, выполняет «локализирующую, конкретно-географическую функцию», она призвана «обозначать объект как географическую точку, идентифицировать его, тем самым выделив и отличив от других объектов того же рода, а в речи — объект как место действия, как предмет речи и мысли» [7. С. 9].

Появление народных наименований в языке города происходит не случайно и обусловлено несколькими причинами. Назовем некоторые из них.

1. Из-за неприятия нейтральных громоздких официальных названий у горожан появляется желание сократить, упростить слишком длинное официальное название учреждения или микрорайона, что будет способствовать его более легкому запоминанию и удобству употребления. Например, Машиностроительный завод им. Калинина в народе называется ЗИКом, фабрика музыкальных инструментов на Сибирском тракте — Балалайкой, Храм в честь Святого Архангела Михаила и Всех Сил Бесплотных — Михайловской церковью, Уральский государственный лесотехнический университет — Лестехом, Лесиком, Дубовым институтом, Заборостроительным. Фраза «Я учусь в Деревянном» означает не что иное, как принадлежность молодого человека к студенческому сообществу Уральского государственного лесотехнического университета.

2. Номинаруемые городские объекты обладают для горожан разной значимостью. Наиболее важные городские реалии получают свое неофициальное имя. При их номинации человек исходит из заметного, отличительного признака, свойственного данной реалии. Какой признак реалии будет актуализирован, как этот признак будет обозначен — зависит от творческих возможностей, личного жизненного опыта и других особенностей субъекта номинации. Если, например, рассмотреть «имена» мостов Екатеринбурга, то можно заметить, что названы мосты по разным основаниям. Один именуется в честь архитектора, его создавшего, — *Макаровский* (мост через р. Исеть на улице Челюскинцев, спроектированный архитектором В.Д. Макаровым); другой получил «имя» от фамилии известного в городе композитора, с которым произошел на мосту курьезный случай — *Родыгинский* (старый автомобильный мост в районе железнодорожной станции Глубокая, с которого в 1952 г. уральский композитор Е.П. Родыгин упал на своей машине на пустую платформу проходящего поезда); третий называется *Царский мостик* (мост на улице Декабристов, спешно построенный через р. Исеть к приезду в Екатеринбург императора Александра I в 1824 г.); есть еще *Мостик любви* (пешеходный мостик через р. Исеть за центральным дендрологическим парком, в районе улицы К. Маркса и переулка Цветоводов), названный так за то, что многие влюбленные парочки часто назначают там свидания; *Калиновский мост* расположен рядом с парфюмерной фабрикой «Калина». Есть и другие мосты в Екатеринбурге, каждый из них имеет свое «имя», свою историю и является топографическим ориентиром для жителей и гостей города.

3. Неофициальное, бытовое общение людей, в том числе горожан, характеризуется экспрессивностью, оценочностью речи. Так появились названия некоторых учреждений культуры (кинотеатров, библиотек, домов творчества и пр):

Дырка (Дом работников культуры на улице Пушкина, 12), *Катя/Катря* (развлекательный центр «Екатерининский»), *Бурелом/Бурик* (бывший кинотеатр «Буревестник»), *Кукла* (Екатеринбургский кукольный театр), *Конфорка/Очаг* (Вечный огонь на площади Коммунаров).

4. С.Д. Кочеренкова [9] выделяет еще и такую причину появления в разговорной речи эквивалентов официальных названий, как установка на языковую игру. Возникновение целого ряда разговорных названий в молодежной среде связано с «установкой на обыгрывание формы имени» [9. С. 80] или формы самого объекта. Об этом свидетельствуют и наши наблюдения:

Малашка (Малая лесная академия Уральского государственного лесотехнического университета), *Артель* (Екатеринбургский артиллерийский институт), *Долина зверей* (улица Данилы Зверева), *Фигушки/Фиги* (переплетенные железные конструкции на мосту городской плотины в центре города, знак качества металла Демидовых), *Гармошка/Гармонь* (четыре 10-этажных жилых дома № 19, 21, 23, 25 на улице Челюскинцев, объединенные на уровне первого этажа различными по профилю магазинами), *Гроб* (здание торгового центра на углу улиц Малышева и Луначарского, формы которого — откосы и черная (траурная) полоса по фасаду — придают ему сходство с гробом).

Приведенные примеры свидетельствуют, что появление неофициальных урбанонимов обусловлено комплексом субъективных и объективных факторов, прежде всего существованием языковых дихотомий (противоречий между кодом и текстом, стандартностью и экспрессивностью языка и т.п.) и разными потребностями носителей языка. Неофициальные урбанонимы являются результатом народного творчества; в них отражается мировосприятие городского жителя, его языковая картина мира.

Процесс наречения именем собственным какого-либо объекта, реалии сложен и многогранен, он представляет собой «результат серии коммуникативных актов, передающих отдельные ситуации, события...» [8. С. 7]. Номинирование и реноминирование опираются не только мыслительный и коммуникативный процессы, но и на познавательную и творческую деятельность «языковой личности, включенной в конкретный исторический и социальный континуум, приобщенной к общему языковому сознанию, к знаниям и представлениям своей эпохи, переплавляющей в личном опыте объективно созданное с субъективно значимым» [3. С. 5].

Исследователь Т.А. Шишкина считает, что «процесс номинации, многоэтапный и многоаспектный, связанный со сложным механизмом познавательной деятельности, проходит в области номинативного континуума — ментально-знаковой области, представляющей собой многоуровневую систему с иерархически организованными компонентами. Концептуальная, или семантическая, сфера номинативного континуума соотносится с языковыми картинами мира... Своеобразие интерпретации признака именуемого объекта зависит от многих факторов: от самобытности национальной психологии и своеобразия национальной культуры, от социальной активности индивида, особенностей его психики и характера, от способов выражения семантики и средств языковой системы» [17. С. 42].

«Ономастическая номинация завершается выработкой особого языкового знака — имени собственного, знака, который в системе языка наделен специфическими языковыми полномочиями. Другими словами, каждое новое имя собственное манифестирует выводное значение, облаченное в специально предназначенную для него языком форму. Появление новых онимических единиц и адекватное их понимание обеспечивается сложной работой языкового сознания» [3. С. 11].

Отметим, что студент-иностранец вряд ли сможет подключиться к процессу номинации городских реалий, поскольку не владеет русским языком в достаточной степени, организация же внешних событий и ситуативных факторов, на фоне которых осуществляются коммуникативные действия, редко затрагивает его. Эта организация очень сложна. Она дает богатую картину мира, отраженную в языке общества и приобретенную носителями языка в процессе взросления, образования и получения необходимого опыта. Индивидуум, изучающий русский язык как иностранный, в полном объеме не владеет представлениями о специфике русской языковой культуры и языкового сознания. Носитель языка хранит в памяти некий набор имен собственных, названий, ему не обязательно выполнять каждый раз ряд мыслительных процедур, чтобы осуществить превращение апеллятива в оним. Для иностранца, в отличие от носителя языка, этот процесс является длительным и проблематичным, поэтому студенту-иностранцу легче дается механическое запоминание русского онима. Исследовательский интерес состоит в изучении функционирования данной разговорной лексики в реальной речевой деятельности студентов-иностранцев, вынужденно или добровольно пользующихся ею в повседневной жизни.

В 2008—2009 учебном году автором данной статьи было исследовано влияние изучения неофициальных урбанонимов на лингвокультурную компетенцию студентов из Китайской Народной Республики, прибывших в Екатеринбург для продолжения обучения в Уральском государственном лесотехническом университете на факультете экономики и управления. Охарактеризуем группу: состав — 11 человек, возраст студентов — 19—20 лет, курс обучения — третий. Для этих студентов характерно хорошее знание национальных традиций, особенностей китайской культуры, безупречное владение китайским языком, знание русского языка на удовлетворительном уровне (они уже не первый раз приезжают в Россию), знание русской культуры поверхностное. Проблема состояла в том, что студенты впервые посетили Екатеринбург и с трудом ориентировались в городском пространстве, что потребовало изучения ими названий микрорайонов, улиц, парков, театров, памятников и прочих городских реалий. При бытовом общении с русскоязычными студентами иностранцы не понимали таких широко известных в городе народных наименований, как: Варезка, Плотинка, Старая Сибирь, Оперуха, Новый Арбат, Централ, БУШ, УПИ, Лесик и пр., поэтому в курс русского языка для студентов-иностранцев был введен экспериментальный блок с таким урбанонимическим материалом. Китайским студентам предложили освоить наиболее распространенные в молодежной среде неофициальные урбанонимы, называющие культурно-исторические объекты центральной части города и объекты студенческого городка, где они проживали. Из «Словаря екатеринбуржца», составленно-

го автором данной статьи в 2008—2009 гг., было выделено 50 ядерных лексических единиц. Приведем примеры некоторых словарных статей, из которых взята лексика:

БУШ, -а, м. Гостиница «Большой Урал». *Вход в БУШ — со стороны улицы Красноармейской.* || Аббревиация с изменением порядка следования букв и сближение с именем президента Буша: «Большой Урал» → «БУШ». См. «Б/У».

ПЛОТИНКА, -и, ж. Центральная часть города по улице Ленина от площади 1905 года до площади Труда, под которой расположена плотина на реке Исеть. *На Плотинке часто проходят праздничные мероприятия.* || Суффиксация: **Плотина** → Плотинка.

ДЕНДРА, -ы, ж. Дендрологический парк-выставка на улице 8 Марта. *В Дендре прошла выставка-продажа цветов и саженцев.* || Универбация и усечение: **дендрологический парк** → Дендра. См. ДЕНДРАРИЙ, ДЕНДРИК.

ФИГУШКИ. Переплетенные железные конструкции (знак качества металла от Демидовых) на мосту городской плотины в центре города. *Фигушки всегда очень изумляют иностранцев, посещающих наш город.* || Метафора: **фигушка «скрученная из трех пальцев комбинация»** → Фигушки «переплетения на мосту, похожие на фигушки». См. УЗЛЫ.

ВОЗНЕСЕНСКАЯ ГОРКА. Возвышенность в районе улиц К. Либкнехта и К. Цеткин, где расположена церковь Вознесения господня. *На склоне Вознесенской горки располагается Дворец пионеров.* || Метонимия: церковь Вознесения господня → Вознесенская горка «горка, на которой стоит церковь Вознесения господня».

ДРАМКА, -и, ж. Площадка возле фонтана рядом с театром драмы и зданием администрации Свердловской области на Октябрьской площади, любимое место сбора скейтбордистов, роллеров и велосипедистов. *По Драмке опять гоняет толпа роллеров.* || Универбация и суффиксация: театр **драмы** → Драмка.

ЛЕСТЕХ, -а, м. Уральский государственный лесотехнический университет. *Второй корпус Лестеха расположен рядом с лесопарком.* || Универбация и усечение: **лесотехнический университет** → Лестех. См. ДЕРЕВЯННЫЙ ИНСТИТУТ, ДУБОВЫЙ ИНСТИТУТ, ЛЕСИК.

МАЛАШКА, -и, ж. Малая лесная академия Уральского государственного лесотехнического университета на Сибирском тракте, 35. *В Малашке произведен новый набор слушателей.* || Универбация, усечение и суффиксация: **Малая лесная академия** → Малашка.

КОРЗИНКА, -и, ж. Продуктовый магазин самообслуживания на Сибирском тракте в студенческом городке Лесотехнического университета, названный так за то, что в тесном пространстве магазина покупатели вынуждены ходить с достаточно большими синими корзинами для продуктов. *В большой перерыв в Корзинке всегда много студентов.* || Метонимия: **корзинка «тара для продуктов»** → Корзинка «продуктовый магазин с множеством корзин для продуктов». См. ТУХЛЫЙ.

К каждой словарной статье прилагалась компьютерная фотография объекта, объяснялось его местоположение, приводился лингвокультурологический комментарий и анализировались признаки, которые породили данную номинацию.

Пять дней китайские студенты под руководством преподавателя русского языка осваивали неофициальные урбанонимы. Результаты изучения их студен-

тами анализировались по следующим критериям: запоминание/незапоминание номинации, ее понимание/непонимание, узнавание/неузнавание в устной и письменной речи, определение местоположения именуемого объекта, нахождение его фотографии на компьютере, умение составить словосочетание/предложение с данным урбанонимом. Это позволило реализовать двойной подход: от слова, предъявленного в устной или письменной форме, — к тексту и от реалии — к слову.

Анализ результатов эксперимента показал, что шесть человек запомнили 70% лексики, узнавали ее в устной речи, но не узнавали в письменной, определяли местоположение именуемого объекта, находили его фотографию, составляли словосочетания (но не предложения!) с урбанонимами. два человека запомнили 90% лексики и понимали ее, узнавали слова в устной и письменной речи, определяли местоположение именуемого объекта, находили его фотографию, составляли короткие предложения с данными словами/словосочетаниями. Три человека запомнили 50% лексики, узнавали слова в устной речи, но не узнавали в письменной, находили фотографию именуемого объекта на компьютере, но не могли определить его местоположение в городе, не могли составить предложение с урбанонимом. Студентов, которые совсем не смогли освоить неофициальные урбанонимы, не оказалось. В дальнейшем изучение этой лексики продолжалось. Усвоение студентами-иностранцами неофициальных урбанонимов обусловило их более быструю адаптацию к чужеродной среде, более успешную социализацию. В бытовом общении с русскоговорящими студентами иностранцы легче и увереннее выбирали и реализовывали различные программы речевого поведения в зависимости от обстановки, ситуации, темы.

Таким образом, можно утверждать, что неофициальная урбанонимия является необходимым элементом лингвокультурной компетенции студента-иностранца, что существует настоятельная необходимость знакомить иностранного студента с данной ономастической лексикой при обучении русскому языку. Введение блока неофициальной урбанонимии в раздел «Регионалистика» и в учебную дисциплину «Русский язык как иностранный» позволит реализовать «право языковой личности на оптимальную речевую коммуникацию» [16. С. 174].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Метод. руководство. 4-е изд., перераб. и доп. — М., 1990.
- [2] *Воробьев В. В.* Лингвокультурология. Теория и методы. — М., 1997.
- [3] *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. — Екатеринбург, 1998.
- [4] *Голомидова М.В.* Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Ономастика: общие вопросы / Гуманитарные науки. — 2001. — № 20. — С. 28.
- [5] *Городецкая Л.А.* Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема: Автореф. дисс. ... докт. культурологи. — М., 2007.
- [6] *Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.* Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. — М.: Наука, 1982.

- [7] *Климкова Л.А.* Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье). Т. 1. — Арзамас, 2006.
- [8] *Климкова Л.А.* Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ. — Москва; Арзамас: АГПИ, 2008.
- [9] *Кочеренкова С.Д.* Неофициальные наименования пространственных объектов Свердловска (Способы номинации) // Языковой облик уральского города: сб. науч. тр. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990.
- [10] *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка.* — Страсбург, 2001.
- [11] *Окунцова Е.А.* Новейший словарь иностранных слов. — М.: Айрис-пресс, 2007.
- [12] *Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. — Воронеж: Истоки, 1996.
- [13] *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. — М.: АСТ-Астрель, 2010.
- [14] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000.
- [15] *Хуторской А.В.* Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Конференция отделения философии образования и теоретической педагогики РАО. — М., 2002. — С. 4—5.
- [16] *Шарифуллин Б.Я.* Языковая политика в городе: право языка и языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000.
- [17] *Шишкина Т.А.* Интерпретационный потенциал номинативной модели // Материалы Второй научной конференции 2001. — Новосибирск, 2001.

UNOFFICIAL EKATERINBURG URBANONIMES AS AN ELEMENT OF LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCE OF A FOREIGN STUDENT

E.N. Klimenko

Social Cultural Technologies chair
Ural State Forestry Engineering University
Sibirsky tract, 37, office 403 Yekaterinburg, Russia, 620100

The article describes unofficial city names of Yekaterinburg which present a special name layer of colloquial language. We consider this name layer as an element of linguistic and cultural competence of a foreign student.

Key words: linguistic and cultural competence, colloquial words, adaptation, Russian as a foreign language, teaching, urbanonim.